

4. **Ничик В.М.** *Из истории отечественной философии конца XVII - начала XVIII в.* - К.: Наукова думка, 1978.
5. **Ничик В.М.** *Феофан Прокопович.* - М.: Мысль, 1977.
6. **Ничик В.М., Литвинов В.Д., Стратий Я.М.** *Гуманістичні та реформаційні ідеї на Україні.* - К.: Наукова думка, 1990.
7. *Релігійно-філософська думка в Києво-Могилянській академії: європейський контекст.* - К.: НАУКМА, 2002.
8. *Секуляризація духовного життя на Україні в епоху гуманізму і Реформації.* - К.: Наукова думка, 1991.
9. **Blumenberg H.** *Die Legitimität der Neuzeit.* - Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988.
10. **Ferry L.** *Les trois époques de la philosophie moderne /Le Debat, 1992,<sup>1</sup> 72.*
11. **Gauchet M.** *Le désenchantement du monde. Une histoire politique de la religion.* - Paris: Gallimard, 1985.
12. **Gilson E.** *La philosophie au Moyen Age.* - Paris: Payot, 1986.
13. **Gilson E.** *Le philosophe et la théologie.* - Paris: Artheme Fayard, 1960.
14. **Hypollite J.** *Figures de la pensée philosophique. Ecrits 1931-1968.* - Paris: Quadrige/PUF, 1971 (2-e ed. - 1991).
15. **Libera A. de.** *Retour de la philosophie medievale?// Le Debat, 1992,1 72.*

*Игорь Немчинов (Киев)*

## **ПОПЫТКА ВЫВЕДЕНИЯ «НОВОЙ ПОРОДЫ» ЛЮДЕЙ В РОССИИ XVIII ВЕКА И РОССИЙСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ<sup>1</sup>**

XVIII век в истории русской культуры и русского сознания занимает одно из важнейших мест. В отличие от предыдущего, когда посредниками между русскими и европейцами выступали украинцы и поляки, в этом веке русские знакомятся с европейской культурой непосредственно - через ее тексты. Причем это знакомство выходит далеко за рамки церковных проблем, а, значит, та напряженность, которая сопровождала общение православных и католиков, постепенно уступает место интересу и соблазну заимствования.

Россия, выросшая из Руси, нуждалась в осознании себя, что в принципе невозможно без присутствия Другого. И если для Руси этим Другим была Византия, то для России Петра и Екатерины им стал Запад. Однако процесс замены собеседника отнюдь не был механическим. Русь оставалась существенной частью России и, в то же время, екатерининское «свое» не просто взаимодействует с «чужим» - западным, оно задается им. По логике вещей, «чужое» должно полагать границы «своего»,

но в России произошло растворение «чужого» в «своем» и наоборот. В то же время конфликт между «своим» и «чужим» пронизал культуру насквозь, потому что структуры «своего» и «чужого» оказались слишком взаимосвязанными.

Именно в этот век сложилась парадигма взаимодействия «своего» и «чужого», России и Европы, ставшая определяющей в российской культуре на два следующих столетия. И утопическая идея создать «новую породу» людей, появившаяся в окружении Екатерины под воздействием европейских просветительских идей, достаточно точно характеризует эту парадигму.

### **От Петра к Екатерине**

Затевая коренную ломку «старины», Петр вовсе не заботился о том, чем будет заполнен вакуум, образующийся после радикального сокращения церковного влияния на светские процессы. Вероятно, не случайно в качестве объекта для подражания Петр выбрал Голландию, которая славилась прежде всего крепкими ремесленными традициями, а не «заумные» Францию или Германию. В начале XVIII века российская власть смотрела на образование и науку крайне утилитарно, а сам Петр I понимал образование лишь в смысле выучки какому-то конкретному ремеслу. Поэтому главной целью и задачей образования провозглашалось овладение какими-либо профессиональными навыками, исключительное приготовление к военной и гражданской государственной службе, которая в петровскую эпоху являлась едва ли не единственной профессиональной деятельностью, к тому же - обязательной для всех.

Общее образование в разряд государственных задач не входило, а поэтому правительство заботилось об основании и поддержании преимущественно специальных школ - инженерных, навигацких и пр. Сказывался также характер самого самодержца - Петр желал видеть плоды таким образом понятого «просвещения» немедленно. Тем более, что страна пребывала в состоянии перманентной войны.

Для ускорения процесса обучения было решено учиться напрямую и группы недорослей потянулись в Европу. Следует отметить, что эти командировки преследовали двоякую цель - привить им европейские навыки и оторвать от семьи. С точки зрения петровского «регулярного» государства бытовая реальность является «неправильной», подлежащей если не искоренению, то значительной коррекции. Собственно, для этого Петру и понадобилось активное заимствование «чужого», которое в виде «нового» навязывалось обществу как альтернатива «своему» и «старому».

Как справедливо заметил Юрий Лотман, «русский дворянин в петровскую и послепетровскую эпоху оказался у себя на родине в положении иностранца - человека, которому во взрослом состоянии искусственными методами следует обучаться тому, что обычно люди получают в раннем детстве непосредственным опытом. Чужое, иностранное приобретает характер нормы. Правильно вести себя - это вести себя по-иностранному, т.е. некоторым искусственным образом, в соответствии с нормами чужой жизни» [14, с. 249]. Однако эти искусственные нормы получают распространение в повседневности, что приводит к раздвоению личности образованного русского, а главным результатом петровских реформ оказывается человек без внутреннего идентификационного стержня.

Совершенно понятно, что оппозиция «свое-чужое» в петровское время воспринималась как оппозиция «Россия-Запад». Для наглядности и в силу традиции общественный идеал требовал пространственного закрепления, поэтому он «был вынесен в “чужое”, европейское пространство, которое стало рассматриваться не как реальная политико-географическая зона, а в качестве идеального эталона “правильной” жизни. Это порождало устойчивую тенденцию оценивать русскую действительность с этой идеальной внешней точки зрения», - писали Лотман и Успенский [13, с. 276]. Необходимо отметить, что «идеальная точка зрения» на самом деле была лишь тем, что под ней подразумевали идеологи петровских реформ, т. е. продуктом «перевода» европейских текстов на язык русской действительности. Происходит любопытный процесс - Россия, понимаемая как Русь, становится чужой, а Европа, понимаемая как эталон, - своей.

Так как петровская связка «Россия-Запад» стала продолжением и фактической заменой традиционной связки «Русь-Византия», Русь могла стать Россией только при условии смены ориентира с Византии на Запад. Но в обоих случаях ценности задаются извне «и это с необходимостью предполагает сознательное усвоение чужих культурных моделей и потенциальных схем» [20, с. 5]. Однако культурные модели зачастую отрываются от создавшего их контекста, переносятся на местный грунт изолированно и избирательно. Как ранее Русь от Византии, Петровская Россия получила от Европы некие тексты, но не получила всего многообразия их смыслов. Отсутствие контекста было восполнено созданием новых смыслов, которые могли быть и были почерпнуты только из допетровской традиции. Поэтому образ Запада был не столько даже отражением настоящего Запада, сколько проекцией традиционной русской культуры.

Последнее десятилетие эпохи Петра и весь переходный период совпадает с началом и расцветом Французского Просвещения. После смер-

ти императора взгляды российских властей на образование менялись преимущественно в духе европейских просвещенческих идей. Было бы преувеличением утверждать, что в русском обществе происходит поворот к просветительскому пониманию образования. Однако влияние Французского Просвещения не отметить нельзя. После Петра актуальной стала защита «естественного права» человека от попыток возродить право рода. Объективно эта тенденция оказывается созвучной европейским веяниям. Кроме того, властям не могли не понравиться антиклерикальные мотивы в работах европейских просветителей, поскольку к дониконовской и допетровской ситуации, при которой образование остается за церковью, возврата быть не могло. Государство полностью оставляет за собой попечение о душах своих подданных.

Вторая половина XVIII века как в Европе, так и в России выдалась бурной. До той поры, как на парижских площадях начала фонтанировать кровь аристократов, иных врагов народа, а зачастую и его друзей, оставалось еще немного времени. А пока что фонтанировали идеями энциклопедисты, просветители разных школ и политических убеждений высказывали свои суждения о необходимости улучшения человеческой породы.

Эта идея пришла к двору и в России, где правители издавна сетовали на негодный «человеческий материал». Еще Иван Грозный пытался исправить положение, время от времени «перебирая людишек». Но у него не было ни системы, ни соответствующей идеологии. Только с налаживанием регулярных сношений с Европой, русская государственная машина получила и первое, и второе.

### **Просвещение и российский «просвещенный абсолютизм»**

Можно сказать, что Просвещение - это та стадия формирования антифеодального мировоззрения, когда компромисс со старым миром уже невозможен. Просвещение не сводимо уже к умеренной, более или менее частной критике тех или иных сторон средневекового общества. Это - уже радикальное отрицание старого в его основах, даже в том случае, если те или иные просветители не признавали насильственных, революционных методов преобразования общества. Ганс-Георг Гадамер писал о сути Просвещения: «Не традиция, а разум представляет собой последний источник всякого авторитета. То, что написано, не обязательно верно. Мы знаем это лучше» [4, с. 325]. Можно сказать, что именно то, что «написано», т.е. традиция, становится главным объектом отрицания. И в этом заключается революционный пафос Просвещения, зрелые формы идеологии и мировоззрения которого оформляются в период, непосред-

ственно предшествующий окончательному отказу поднимающегося «третьего сословия» от прежних норм и правил.

Вообще, главной смыслообразующей оппозицией Просвещения явилось противопоставление Природы и Традиции, трактуемой как Предрассудок. Если Природа - это идеальная антропологическая сущность человека, то Традиция - это несовершенное реальное протекание истории. Просвещение может рассматриваться как подготовка буржуазной революции в том смысле, что оно предполагает окончание периода зла и насилия в обозримой перспективе. Новый мир разума и добра должен возникнуть из отрицания и отречения от прежней истории и традиции.

Исходя из этого вовсе не удивительно, что Екатерина довольно скептически относилась к своим известным корреспондентам. Екатерина и ее окружение и в мыслях не имели столь радикального изменения положения вещей. Они не собирались ломать сословные перегородки в духе просвещенческих идей, им достаточно было улучшений в рамках сословной иерархии без разрушения самой иерархии. В определенном смысле тот вариант «просвещенного абсолютизма», который был предложен окружением Екатерины, был альтернативой буржуазной революции. Он предполагал модернизацию существующей системы путем активного вмешательства государства во все сферы жизни. Но он не предполагал кардинальной смены общественных отношений. Реформой сверху должны были быть устранены только наиболее архаичные формы старой жизни, мешающие не столько даже обществу, сколько самой монархии, а также составляющие условия для вызревания революции снизу.

Н. Кареев в начале прошлого века отмечал, что буржуазная революция и «просвещенный абсолютизм» имели много общего, «вследствие чего оба явления можно подвести под одно общее понятие преобразовательного движения XVIII века» [7, с. 5]. Движение-то, может быть, и одно, но методы и следствия у них были совершенно различны, что и сказалось на судьбе просвещенческих идей в России. Екатерина в пору расцвета ее «либерализма» готова была использовать идеи своих европейских корреспондентов, но только для борьбы со своими оппонентами, отстаивающими «старину». Любое проявление более либерального толка, нежели «государственный либерализм», немедленно пресекалось. Достаточно вспомнить судьбы Новикова и Радищева. Стоит ли удивляться тому, что Екатерина беседовала с Дидро, по ее признанию, «более ради любопытства, чем с пользой»...

Посему Гельвеций, написав, что «Екатерина II и Фридрих желают стать любимцами человечества, они понимают цену истины; они побуждают говорить ее; они ценят также и усилия, предпринимаемые, чтобы ее открыть» [5, с. 9-10], несколько погорячился.

## Воспитательные дома как «питомники» нового человека

Идея возможности создания нового типа людей посредством правильного воспитания была высказана как раз Гельвецием (трактат «Об уме», 1758, был запрещен властями и сожжен), полагавшим, что ребенок являет собою «чистый лист», который взрослые могут заполнять по своему усмотрению. Пытаясь применить материалистический сенсуализм к объяснению жизни общества, Гельвеций утверждал, что человек - продукт среды. Нет врожденных идей и страстей, говорил Гельвеций, врожденной является лишь простейшая физическая чувствительность; человек от рождения ни глуп, ни умен, ни зол, ни добр, он только невежествен и невоспитан. А различия в способностях людей являются, по Гельвецию, следствием различий в условиях воспитания, которое он понимал широко - как всякое формирующее психику влияние среды.

Другой активный просветитель - Жан-Жак Руссо - напротив, придерживался теории «врожденных идей» (сформулирована главным образом в романе «Эмиль, или О воспитании»), согласно которой в человека изначально вложены добрые качества, которые могут развиваться или вытесняться в зависимости от среды. Влияние общества на формирование человека Руссо считал пагубным, и потому, в частности, был против закрытых учебных заведений как замкнутых на себе мини-сообществ, способствующих развитию типичных человеческих пороков.

Противоположные взгляды, тем не менее, сводились к тому, что влияние на ребенка должно дозироваться и контролироваться. А для этого он должен быть вырван из привычной среды, которая его, «заедает».

Напомним, что в XVIII веке монархическая форма правления и идеи Просвещения не только не противоречили друг другу, но, напротив, именно на монарха просветители возлагали задачу заботиться о благе подданных и вводить начала законности, согласные с разумом и правдой. Мысль о том, что государство лучше справляется с воспитанием своих будущих граждан, нежели их родители, так настойчиво провозглашалась в утопической литературе и социально-политических трактатах, что воспринималась современниками едва ли не как дань самому Просвещению. Исключение составляли разве что наиболее радикальные варианты, в соответствии с которыми предполагалось отнимать детей у всех без исключения родителей и помещать их в закрытые учебные заведения.

Идея возложения всей тяжести воспитания человека на плечи монарха (государства) легла в России на благодатную почву. Однако здесь следует обратить внимание на проблему конфликта между центром культуры (в данном случае - Просвещения) и периферией. Распростра-

няясь от центра (Франция) к окраинам (среди прочих - Россия), Просвещение трансформировалось, накладывалось на местную традицию. В России это наложение носило характер парадокса. Отрицание традиции не просто взаимодействовало с традицией (петровской и даже допетровской) отрицания прошлого, но питалось ею. Просвещенческие идеи конца истории, приближения нового Царства Разума прекрасно наслаивались на традиционные русские эсхатологические и хилиастические идеи, приводя к тому, что самые невероятные и утопические планы получали шанс на воплощение в жизнь.

Как отмечает Юрий Лотман, в русской традиции «восприятие текста не завершалось его прочтением, а должно было реализовываться непосредственно в поведении. Объектом передачи в процессе коммуникации являлся не текст, а тип поведения. Поэтому если текст, воспринятый адресатом, не превращался в реализованную программу поведения - коммуникации не происходило». [11, с. 361]

Разрушив Церковь как институт-носитель истины, Петр поставил на ее место государство в лице государя. Помимо того, что государь должен быть «тружеником на престоле» и орудием общей пользы, он должен быть также чудотворцем, носителем сакрального смысла. Именно в этом аспекте следует рассматривать благожелательное отношение Екатерины к идее создания «нового человека», а равно и практические попытки реализовать эту идею.

Так как домашнее (поместное) воспитание того времени во многом было уделом крепостных нянек и дядек, широкое распространение получила мысль о том, что воспитание дворянина нельзя поручать крепостному. Она была сформулирована одним из идеологов екатерининской администрации И. Бецким, который, правда, говоря о низком нравственном развитии крепостного крестьянина, возлагал ответственность за это на помещика, который своей жестокостью довел мужика до скотского состояния.

В то же время, И. Бецкой и Екатерина считали, что и дворянам в их тогдашнем состоянии нельзя доверять тончайшее дело воспитания молодого человека. И отчасти это было верно. О варварстве и дикости нравов усадебной субкультуры по всей Руси написано немало. Именно попыткой оградить молодежь от нравов усадьбы объясняется идея закрытых учебных заведений, где в изоляции от любых влияний извне, под надзором мудрых наставников будет формироваться «новая порода людей», создателей нового высоконравственного общества.

Вот только образование в те времена в значительной степени оказывалось самообразованием. Мемуаристы оставили сведения о едва ли не поголовном невежестве учителей, о пьянстве и низких нравах, царящих в учебных заведениях. Поэтому человек, желавший стать образован-

ным, вынужден был самостоятельно постигать науки и языки, а едва-едва освоив их, сам начинал просветительствовать с рвением неопита.

Для того, чтобы как-то упорядочить этот процесс, ввести, его, так сказать, в русло государственной политики, в 1763 году И. Бецкой выступил с инициативой создания Воспитательного дома как первого учреждения в будущей сети институтов, призванных полностью обеспечить процесс закрытого воспитания и образования. Ставку решено было сделать на сирот, незаконнорожденных детей и детей тех родителей, которые по бедности или болезни не могли содержать их и заниматься их воспитанием. Вероятно, в его намерении создать подобное заведение сыграло роль то обстоятельство, что сам Бецкой был незаконным сыном князя И. Ю. Трубецкого (почему и получил такую фамилию). Хотя он и получил хорошее европейское образование, статус долгое время, видимо, тяготил его.

Бецкой прекрасно понимал, каким именно путем следует проводить в жизнь свои воспитательные идеи. Почти сразу по воцарении Екатерины II он стал ее ближайшим соратником и даже советчиком. По свидетельству современников, Бецкой обладал важным качеством придворного: способностью внушать монарху идеи, которые властитель постепенно принимал за свои собственные.

По замыслу Бецкого, предполагалось создание принципиально нового для России типа учреждения. Система воспитательных домов в России должна была включать в себя не только сами приюты, но и целую сеть сопутствующих институтов, от родильных домов и госпиталей до ремесленных мастерских и ссудных касс. Но главное не в этом. Воспитательный дом должен был стать местом формирования нового типа людей, искусственного выведения так называемого «третьего сословия», в существовании коего Бецкой видел залог нравственного возрождения нации.

Безусловно, идеи Бецкого были своеобразным вариантом утопии. Если утопия предполагает отношение идеала и действительности как противопоставление, взаимонепроницаемость, разрыв преемственности, то закрытое учебное заведение в качестве своего рода инкубатора как нельзя лучше подходило для целей Бецкого. Предполагалось, что становление третьего сословия будет совершаться в замкнутом кругу, и только после того, как вырастет несколько поколений воспитанников, их влияние начнет распространяться на остальных, идеологически не развитых представителей того же, стихийно складывавшегося, сословия, а затем и на всех остальных: «[...] надеяться можно, что вышедшие [...] из онаго Дома обоего пола люди не только заобычайной уже им трезвой и трудолюбивой жизни своей не оставят, но еще и детей своих равным образом воспитывать станут; и в других примером своим к подражанию тому же охоту возбудят, а по умножении и по рассеянии таковых в обществе может со временем последовать счастливая перемена во



правах и склонностях всей той части народа, к которой они принадлежать будут». [1, с. 89-90]

Видимо, Бецкой действительно обладал влиянием на Екатерину, потому что Манифест об учреждении Императорского воспитательного дома в Москве был обнародован уже в том же 1763 году - 1 сентября. Торжественное открытие дома, сопровождаемое крестным ходом, произошло 21 апреля 1764 года, а первые принятые в Дом «несчастнорожденные» младенцы получили имена Екатерина и Павел.

Воспитательный дом не получал государственного финансирования и должен был существовать на пожертвования, но имел различные льготы - в частности, он был освобожден от уплаты пошлин при заключении контрактов, имел дозволение беспошлинно покупать и продавать земли и дома, заводить фабрики, устраивать лотереи и получать четверть от доходов с театральных представлений, балов и игорных предприятий.

Не трудно догадаться, что, имея такого рода льготы, Воспитательный дом не мог не привлечь людей, желавших «нагреть» на этом деле руки. Штат служащих не справлялся с потоком поступающих детей, небольшое количество из которых умирало, а оставшиеся в живых не получали того воспитания, какое предполагал им дать учредитель дома, не делались полезными гражданами. Детей принуждали много работать, а изготовленные ими вещи продавались за бесценок. Впрочем, эти злоупотребления иногда разоблачались.

В 1770 году было принято решение об открытии Петербургского отделения Императорского Воспитательного дома. Вскоре были открыты Воспитательные дома и в некоторых других крупных городах. В конце концов, высокая идея выродилась в создание сети приютов. Результатом их работы стало не только призрение несчастных сирот, но и пополнение общества проходимцами, закаленными суровым бытом интернатов. Как они были далеки от высокого звания «нового человека»...

Попытка И. Бецкого и Екатерины вывести «новую породу» людей во второй половине XVIII века не заслуживала бы большого внимания, если бы не то обстоятельство, что в ней уже заложены все те последующие попытки осуществления утопии, которые имели место в России в XIX и XX веках. Все они строились на отрыве идеи от контекста, встраивании ее в новый контекст, который до неузнаваемости искажал первоначальный замысел.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Можно отметить, что заявленная здесь тема весьма фрагментарно освещена в литературе. В ряде работ поднимается проблема влияния просветительских идей на теории воспитания в России XVIII века [см. 3,11,16]. Ю. Лотман и Б. Успен-

ский анализируют культурное поле в семиотическом ключе [см. 11-15, 19]. Бытовая среда рассматривается в работах М. Богословского [2], Ю. Лотмана [12], Л. Семеновы [18].

Свою задачу мы видим в попытке взглянуть на проблему «новой породы» с точки зрения формирования русской идентичности в своеобразном диалоге с Европой, в частности - с европейским Просвещением. Нам представляется, что в этом частном случае взаимодействия отражается весь комплекс русско-европейских связей и заимствований.

## ЛИТЕРАТУРА

1. **Бецкой И. И.** *Генеральный план Императорского Воспитательного дома и госпиталя. Предупреждение к читателям // Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоюбого пола благородного и мещанского юношества.* - СПб., Т. 1, 1789, С. 89-90.
2. **Богословский М.** *Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в.* - М., 1906.
3. **Болдырев А. И.** *Проблема человека в русской философии XVIII в.* - М., 1985.
4. **Гадамер Х.-Г.** *Истина и метод.* - М., 1988.
5. **Гельвеций К. А.** *Сочинения в 2-х т.* - М., Т. 2, 1974.
6. **Герасимов И.В.** *Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность, 1994, №4, С. 63-73.*
7. **Кареев Н. А.** *История Западной Европы в новое время.* - СПб., Т. 2, 1908.
8. **Краснобаев Б.И.** *Очерки истории русской культуры XVIII в.* - М., 1972.
9. **Кузнецова Н.И.** *Социальный эксперимент Петра и формирование науки в России // Вопросы философии, 1989, №3, С. 49-64.*
10. *Культура эпохи Просвещения.* - М., 1993.
11. **Лотман Ю. М.** *Архаисты-просветители // Лотман Ю.М. Избранные статьи.* -Таллинн, Т. 3., 1992, С. 356-367.
12. **Лотман Ю. М.** *Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи..., Т. 1., 1992, С. 248-268.*
13. **Лотман Ю. М.** *Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю.М. Избранные статьи., Т. 3, 1992, С. 127-137.*
14. **Лотман Ю. М., Успенский Б. А.** *К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Материалы научной конференции «Художественная культура XVIII века.* - М., 1974. С. 259-282.
15. **Лотман Ю.М.** *Беседы по русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начала XIX века).* - СПб., 1996.
16. *Русская мысль в век Просвещения.* - М., 1991.
17. *Русское искусство XVIII - первой половины XIX века: Материалы и исследования.* - М., 1971.
18. **Семенова Л.Н.** *Очерки истории быта и культурной жизни России (первая половина XVIII в.).* - Л., 1982.
19. **Успенский Б. А.** *Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды.* - М., Т. 1, 1996, С. 338-380.
20. **Успенский Б. А.** *Царь и патриарх.* - М., 1998.
21. **Шацкий Е.** *Утопия и традиция.* - М., 1990.